

Ирина Зволинская

ПРОКЛЯТЫЙ
ДАР

18+

Проклятый лес

Ирина Зволинская

Проклятый дар

«Автор»

2022

Зволинская И.

Проклятый дар / И. Зволинская — «Автор»,
2022 — (Проклятый лес)

Если в тебе сокрыта сокрушительная сила, а силой этой жаждут обладать хозяева мира, если в погоне за властью они играют с огнем... как не сгореть в чужой войне? Может быть, довериться одному из игроков? Или его любовь - это тоже часть игры? Вторая книга трилогии.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Ирина Зволинская

Проклятый дар

Глава 1

Боксерская груша раскачивалась под потолком. Занятие по физической подготовке давно закончилось, но он продолжал иступленно молотить по снаряду кулаками. В спортивном зале было пусто и тихо, только натужно скрипели звенья железной цепи, которой грушу крепили к потолку, да слышно было тяжелое прерывистое дыхание боксирующего.

– Твою бы энергию – да в мирное русло, Ральф, – лениво заметил темноволосый юноша и мотнул головой, будто сбрасывая вечно лезущие в глаза волосы. Забавное движение, особенно с учетом того, что носил этот юноша короткую стрижку. Как и все курсанты военной академии, как и его светловолосый собеседник.

– Лучше я побью грушу, чем тебя, например, – сверкнул белыми зубами боксер, посмотрел в сторону говорившего и от всей души лупанул по груше. – Хотя... давай-ка, поднимай свой зад с мата!

– Меня? – тихо рассмеялся его собеседник. – А руки лишиться не боишься, господин задира? – выгнул он темную бровь.

– За все в жизни надо платить, – равнодушно пожал плечами Ральф, утер пот со лба и обхватил снаряд двумя руками.

– Я в душ, – бросил ему бронежилет и одним текучим движением поднялся на ноги.

– Трусишь, Ник? – подначил его сокурсник.

– Если это сделает тебя счастливым, – на ходу улыбнулся юноша.

– Какой же ты сноб! – Ральф покачал головой, стянул боксерские перчатки и отправился за соседом.

Преподаватели определенно знали, что делали, когда селили вместе двоих настолько непохожих молодых людей. Огонь и лед прекрасно уравнивали друг друга. Забавно только, что льдом в этой команде был вовсе не блондин.

В тот памятный день комендант общежития заявился на пороге его, Ральфа, спальни, чтобы с мерзкой улыбочкой сообщить, что теперь у него появился сосед.

«Это где им удалось найти столь отчаянного курсанта, смертник он, что ли?» – подумал Ральф, глядя на молчаливого и очень юного, а главное, жутко смазливое... соседа?

Что он, нянька? Не будет он подтирать этому молокососу сопли! Хотя сопли-то ерунда, засмеют ведь! Как пить дать, парочкой звать начнут и спрашивать, когда свадьба! Впрочем, а пусть зовут! Отличный повод размяться.

Ральф задумчиво потер подбородок и ухмыльнулся воспоминанию. Не стоило ему называть Ника девочкой. В челюсть он схлопотал заслуженно.

Тогда он и представить себе не мог, что этот «смазливый малолетка» окажется настолько силен.

– Что там с комиссией? – Ральф бросил перчатки в свой шкафчик, критически оглядел творившийся внутри бардак, в сотый раз подумал, что надо бы навести наконец в нем порядок, не как у Ника, конечно, но хотя бы мусор выбросить, и захлопнул железную дверцу.

Потом как-нибудь!

– Приехали. – Ник стащил футболку, снял спортивные шорты и, ничуть не стесняясь наготы, шагнул в сторону душевой.

А чего тут стесняться, в казарме баб не водилось.

Жаль.

Ральф подошел к стеллажу с чистыми полотенцами. Поморщился. После занятий им опять тащить грязное белье в прачечную старших курсов. Зря он тогда не извинился сразу. Семейная черта, что поделаться. И мама, и брат, даже их любимая нежная сестренка и то отличалась упрямством. Говорят, их великий прадед, знаменитый Эдинг, был именно таким. Ну а как бы он иначе победил демона и прославился в веках?

И все же не стоило ему тогда применять магию, глядишь, и корпус бы уцелел, ну или хотя бы прачечная.

– И чего им надо перед Рождеством, еще и в субботу? – задумчиво пробурчал Ральф. Рядом с аккуратно сложенными вещами соседа оказались скомканные шорты и такая же мятая майка.

Все равно ж стирать, зачем складывать?

Задержаться в зале стоило хотя бы ради пустой душевой. Ральф открыл винт с водой, зашипел, когда на разгоряченное тело упали холодные капли, черт бы побрал эту армию, а потом с наслаждением подставил лицо под тугую струю воды.

Не хотел ведь ехать, мать настояла. «Что тебе здесь делать, милый?! Езжай в столицу, и за сестрой приглядишь!» Он бы с радостью за ней приглядел, да только учеба в военной академии не предполагала свободы. Они виделись всего-то дважды. И оба раза Алиана не выглядела счастливой.

Кому нужна эта столица? Лучше бы они остались дома. Может быть, и Рэндольф был бы жив...

Сердце сжало холодной тоской, он давно привык к этой боли. Лишиться близнеца – потерять часть себя, и, сам того не желая, он ежедневно проживал эту потерю. Зеркала стали ему наказанием – они отражали погибшего брата.

– Слушай, Бонк, – услышал он сквозь шум воды, повернул голову и посмотрел на Ника. Тот стоял через несколько высоких кранов от него, в руках его был кусок мыла, а в глазах какая-то мысль, и будь он проклят, если мысль этого чокнутого на всю голову гения не касается его, Ральфа.

– Чего тебе, Фостер? – вышло немного обреченно.

– Ты же маг!

– Ну вроде как. – Ральф с опаской намылил голову.

– Воду-то нагрей!

– Попробовать можно. – Он кивнул. – Но если ты окочуришься от удара током – я не виноват.

– Со смертью я договарюсь, – отмахнулся Ник. – А вот мерзнуть надоело.

– Посмотрите, какая фифа! – широко улыбнулся Ральф, показав ямочки на щеках. В душевой мигнул свет, синие глаза сверкнули неонами. Фостер тихо засмеялся от удовольствия – теплая вода ласкала уставшее после долгой тренировки тело, но удовольствие это было не слишком длительным. Маг устал, потерял контроль и лишил здание электричества.

– Упс, – развел он руками.

– Все равно это того стоило! – заявил Фостер.

Ральф с видимым усилием вновь заставил ток бежать по проводам и покачал головой. Всякий раз одно и то же: Ник младше на три с лишним года, но именно он снова подначивает его на очередную авантюру.

Ему же еще ни разу не удалось вывести соседа из себя, если не считать того «девчонка» при первом знакомстве.

Хорошо хоть, парнем он был честным, всегда вступался за друга перед преподавателями, а потому наказывали их непременно двоих. Двоим-то веселее картошку чистить.

– Жду тебя в раздевалке, – бросил ему Ник, на ходу вытираясь прихваченным заранее полотенцем.

Ральф кивнул скорее себе, чем соседу, развернулся к зеркальной стене (какой идиот это придумал, ладно у раковин, тут-то зачем?) и прикрыл веки.

Обращение к дару выматывало его, прохладный душ был как нельзя кстати.

Он выключил воду, постоял, чувствуя, как бегут куда-то вниз студёные капли, а потом взглянул своему двойнику в глаза.

Высокий, плечистый и светловолосый. Прямой нос, высокий лоб, мамина улыбка, отцовские ямочки на щеках, только вместо синих глаз – клубящаяся тьма.

– Здравствуй, Рэн, – шепнул отражению Ральф. – Мы ведь не виделись с утра.

Печальная улыбка – ответ.

Надо идти, они и так задержались в спортивном зале. Не опоздать бы на обед, потом музыка. И зачем им музыка? Ему повезло, он брэнчал на рояле, а были и те, кто в отсутствие навыков игры на музыкальных инструментах вынужден был петь.

Офицеры – хористы, твою налево! Презрительности на его физиономии мог бы сейчас и Ник позавидовать, вот уж кто одним движением брови ставил на место весь курс.

Впрочем, дело было не в мимике. Никто не хотел дразнить одаренного, Фостер умел не только лечить. Жизнь и смерть – две стороны одной медали. Целитель не просто знает, как убить, он, как никто другой, способен сделать эту смерть мучительной и очень долгой. Ник знал о боли все и не боялся демонстрировать свои знания.

Юный Фостер применил силу всего лишь раз. Впечатлились все, даже Ральф. Больше никто не называл Ника малолеткой. А ведь справедливо звали! В академию принимали с восемнадцати лет, Фостеру не было и шестнадцати. Но и здесь после диких криков курсанта, посмеявшегося задеть целителя, вопросов больше не возникало. Живое оружие, разумеется, необходимо растить, обучить и держать под присмотром.

Ральф криво усмехнулся. Его самого зачислили в академию с точно такой же целью.

Он подхватил ослепительно белое полотенце с хромированного настенного крючка. Лучшее, без лишней скромности, военное учебное заведение империи было лучшим не только по качеству образования, но и в плане бытовом. И финансирование у них было лучшим, проверка, надо полагать, именно за этим и пришла. Убедиться, что все расходуется именно так, как заявлено в отчетности.

Музыка... музыка. Нельзя сказать, что предмет так уж сильно раздражал. Его вела очаровательная старушенция, и старушенцию эту хотелось порадовать перед Рождеством. Что она там просила, номер на концерт?

И чего он придирается к учебной программе? Лучшей, между прочим, программе. Может быть, музыка введена преподавателями неспроста? Пойдет такая колонна в наступление, инструментики с собой возьмет. Ральф заиграет патриотическую мелодию, Ник... А что Ник? Этот на всем играет, но рояль занят, значит, пусть на скрипочке запиликает. Кто на чем, в общем, а большая часть петь станет – враги разбегутся! Это же оружие массового поражения, особенно он со своим роялем. Без вариантов.

Точно! Ник на скрипке, он на рояле, госпожа Виола будет счастлива! Осталось только обрадовать Фостера, чем он прямо сейчас и займется.

Ральф шагнул в раздевалку, небрежно набрасывая на голову полотенце. На ощупь вытер волосы, ну как вытер? Промокнул, сами высохнут, и поспешил озвучить свою идею, пока не забыл.

– Фостер, чертов гений! – выкрикнул он, выныривая из-под полотенца. – А я придумал то, до чего даже ты не додумался!

– Что вы говорите? – иронично произнес незнакомый голос в ответ.

От неожиданности Ральф застыл, глупо хлопнув глазами. На него в упор смотрел какой-то блондин, и лицо его почему-то казалось ему знакомым.

– Простите его, ваше высочество, он у нас немного дикий, – извинился перед блондином один из преподавателей, а потом возвел к потолку глаза. – Бонк, вы бы хоть прикрылись!

А, так вот откуда ему знаком этот человек. Это его высочество Юрий! Ничего себе комиссия собралась перед Рождеством, с чего бы, кстати?

Тихо засмеялся рядом Ник.

– Ничего страшного, – заверил преподавателя Юрий. – Это даже забавно, – чуть улыбнулся он и нарочито медленно осмотрел Ральфа с ног до головы.

Неприятное и будто липкое ощущение. Ральф удивился странному желанию немедленно спрятаться от этого взгляда, еще чего не хватало! Не собирается он мяться как девица на выданье, поджал губы, выпрямил спину и выгнул бровь, копируя дурацкую манеру Фостера. Встретился с Юрием глазами.

«Надо же, синие», – удивился он перед тем, как голову его пронзила дикая боль, и мир качнулся, унося с собой частицу его сознания.

В стылой спальне царит полумрак. Высокие окна закрыты тяжелыми бархатными шторами, в хрустальных люстрах нет ни одной лампы. И лишь тусклый огонек догорающей свечи отбрасывает причудливые, будто живые тени на красный шелк стен.

Когда-то он ненавидел электрический свет.

Черно-белое поле шахмат, с идеальной точностью вырезанные из камня фигуры. Партия, брошенная с самой весны.

Длинные смуглые пальцы оглаживают изогнутую корону ферзя. Жаль, что они так и не доиграли.

Что это? При чем тут шахматы, он терпеть не мог этой занудной игры! Ральф мотнул головой, механическими движениями обернул полотенце вокруг бедер.

– Фостер? – сквозь боль услышал он злой смех Юрия.

А с головой-то что? Мозги он, что ли, простудил? Надо Нику сказать, чтобы подлатал.

– А позвольте полюбопытствовать, юный господин Николас: почему вы в академии под фамилией вашей матери, глубокоуважаемой госпожи Дианы? Вы стесняетесь отцовского имени? Не может же быть, чтобы это маршал стеснялся собственного сына!

Маршал? Ослышался, наверное? Голова раскалывалась. Черт, как же не вовремя!

– Отчего же, – равнодушно ответил Юрию Ник. – В этой жизни, ваше высочество, все может быть. Некоторых сыновей стоит стесняться.

«Не ослышался», – понял Ральф. Неприятно, очень неприятно чувствовать себя идиотом. Сощурился, посмотрел на Николаса Холда, замечая то, что все это время отказывался замечать.

Ани высылала им фотографии из колледжа. С черно-белых снимков им улыбалась она и ее неизменная спутница – госпожа Элизабет Холд. Ник был очень похож на сестру. Может быть, то была одна из причин, по которой Ральф принял его так быстро. В далеком детстве он был влюблен в фотографию той смешливой и необычно яркой для глаз северянина девочки. Смешно, он тайком от брата разговаривал с ней. А потом брата не стало. Незачем было прятать украденное у матери фото, и говорить с той девочкой ему больше было не о чем.

Да. Все это действительно очень смешно.

По руке его проскочил электрический разряд.

– Вы искрите, господин Бонк, – с издевкой заметил Юрий. – Нервничаете или переживаете?

– О чем? – В горле першило.

– Ну как же. – Принц растянул губы. Неприятная, будто змеиная улыбка. – Знаменитые наследники самого Эдинга, оба – игрушки детей господина Холда.

Юрий пристально посмотрел на его лицо, останавливая взгляд на крепко сжатых губах Ральфа. Глаза его довольно сверкнули, когда он заметил выступившие на лице молодого Бонка желваки.

– Простите, я оговорился. – Наследник чуть прикрыл веки. – *Друзья* детей господина Холда.

Ральф поправил узел на полотенце. Никогда он не стеснялся своего тела, но сейчас, кажется, был именно тот случай, когда в одежде ему было бы комфортнее. Липкое, какое-то извращенное удовольствие Юрия от происходящего было столь осязаемым, что Ральф чуть было не сплюнул на пол от омерзения. Удержаться от грубости он уже не смог.

– А не пойти бы вам куда подальше, ваше императорское высочество? – с чувством спросил он наследника.

– Бонк, что вы себе позволяете! – крикнул на него кто-то из преподавателей. – Вы отдаете себе отчет, с кем разговариваете?!

Ральф раздраженно дернул плечом. Мигнули лампы, задрожал электрический свет.

– Спокойно, Ральф. Тихо, – встал за его спиной Ник.

Фостер всегда действовал на него успокаивающе, такая живая таблетка хорошо работающего седативного. Да только никакой он не Фостер!

Чертов Холд.

– Какая милая сцена, – рассмеялся Юрий Ральфу в лицо, – почти семейная.

Семейная? На что это он намекает?

Ярко сверкнули синие глаза, серебром заискрились волосы.

– Спокойно, – вновь повторил Ник. Николас Холд.

Это Холды забрали Ани, это из-за них погиб Рэн. Никогда он не верил пространным объяснениям матери. Аристократическое благородство? Безвозмездная помощь? С чего бы?

Надо же, напряжение можно услышать. Низкий гул, заставляющий вибрировать каждую клеточку тела. Ему вторят дрожащие лампы на потолке. Это почти музыка.

– Курсант, извинитесь немедленно!

– Ну что вы, господа, – Юрий поднял руку, останавливая возмущенные возгласы, – не нужно давить на юношу. Он и сам прекрасно понимает, что неправ.

Наследник сделал шаг вперед, неловко подтягивая правую ногу. Несочетаемое с идеальной внешностью движение, мимоходом отметил Ральф, напрягаясь от того, как близко подошел к нему Юрий. Грубое, почти захватническое нарушение личных границ.

– Ведь понимает? – с угрозой спросил его сын Александра.

Ральф убрал руки за спину, с трудом удерживая невыносимое желание придать исключительно изящной внешности Юрия хотя бы один недостаток. Ему хватило бы одного удара в чужой нос. Но этого ему точно не простят, никакие заступники не помогут, даже если бы таковые у него имелись.

– Разумеется, ваше высочество, – сквозь зубы ответил он Юрию, его трясло от злости.

– И праздники господин Бонк проведет в казарме, – с нажимом сказал ректор академии, Ральф узнал его голос. – Ваша несдержанность не позволяет мне отпустить вас в увольнение.

По предплечью пробежала крохотная молния. Наследник хмыкнул, глядя на то, как она уходит Ральфу под кожу. Куда-то под мышку, судя по щекочущему ощущению в той области.

– Вот и прекрасно, – ответил его высочество. – То, что ваше поведение не может остаться безнаказанным, вы ведь тоже понимаете? – Он протянул руку к его все еще влажной груди. Пальцы Юрия едва коснулись чувствительной кожи подмышечной впадины.

Сын Александра подхватил почти исчезнувшую молнию в свою ладонь.

Кто-то из участников комиссии шумно выдохнул.

– А я, пожалуй, действительно пойду дальше, – доверительно сообщил наследник Ральфу. Сверкнул глазами, сжал руку, с удовлетворением наблюдая за явственным изумлением на лице молодого Бонка.

Молнии больше не было, и ровным светом сияли лампы на потолке.

– Я буду ждать вас во дворце с извинениями, господин Бонк, – Юрий склонил голову к плечу, – когда вы остынете, – вновь осмотрел его с ног до головы, задержав взгляд на том месте, где недавно сиял электрический разряд. Улыбнулся и добавил: – И когда оденетесь, разумеется.

Глава 2

Наследник хромал. Ральф буравил взглядом его ровную спину. Невысокий, изящный. Инвалид. Но не вызывающий жалости. Что там писали в листовках? Юрий слаб? Что-то не похоже. Одаренный, в разы сильнее его самого. Он видел, как легко его высочество управлял электричеством. Без малейшего усилия, будто это так же просто, как дышать. Да только Ральф, как никто другой, знал, как выжимает любое обращение к дару.

– Через час в моем кабинете, – бросил ему ректор.

– Слушаюсь, – сощурился Ральф.

Наказаний он не боялся, а вот слушать очередную лекцию о неподобающем офицеру поведении не хотелось. «Протеже господина маршала, необучаемый безответственный и взрывной мальчишка», почти два часа, стоя на красном ковре напротив дубового стола, – он следил за медленно двигающейся стрелкой настенных часов.

Тогда случился пожар, а затем и взрыв. И если бы не Ник, Ральф был бы виновен в увечьях половины курса.

В этот раз он всего-то послал в пешее путешествие его высочество Юрия.

«И правильно сделал!» – сжал он зубы, вспоминая откровенную издевку в словах наследника. Снял полотенце, вытерся. Бросил его куда-то на пол, достал чистое белье из шкафчика, надел. Подошел к длинной открытой вешалке, снял с плечиков форму.

Пора брать себя в руки. Он уже достаточно натворил. Ральф кинул на Ника тяжелый взгляд исподлобья. Юный Холд напряженно следил за его движениями.

«Будто за диким зверем», – пришла на ум странная ассоциация.

Ральф хмыкнул, взъерошил волосы, застегнул пуговицы кителя, поправил ворот.

И наговорил он уже достаточно. Взрослеть ему тоже пора.

– Я хочу еще раз поблагодарить тебя за помощь пострадавшим по моей вине, Николас. – Он обулся. – И я не собираюсь устраивать истерику, не нужно так на меня смотреть.

Ник мотнул головой. Наверняка подстригся не так давно. Ральф и сам долго не мог привыкнуть к отсутствию вечно лезущих в глаза крупных кудряшек. В короткой стрижке, определенно, были плюсы.

– Я не считаю свое происхождение важным, – заявил ему Холд. – Но я должен был подумать о том, что наши мнения в этом вопросе могут не совпадать.

– Мне, в отличие от Юрия, не нужны извинения, – пожал Ральф плечами.

– Да и Юрию нужны вовсе не они.

– И что же нужно его высочеству?

Ник нахмурился, снял с рукава налипшую ворсинку и ответил:

– Полагаю, ему нужен ты.

Зачем это он наследнику? Тот ведь значительно сильнее, одно то, как легко Юрий перехватил искрящийся разряд, не оставляло в этом никаких сомнений. Только чтобы забрать эту молнию, не нужно было так близко к нему подходить. И дотрагиваться до него тоже было не нужно. Липкий взгляд, вызывающий желание немедленно отмыться, и явное удовольствие в таких же синих, как у него самого, глазах.

Ральфа передернуло от отвращения.

– Что ты имеешь в виду? – зло сощурился он.

– Не лсти себе, Ральф, – тихо рассмеялся Ник. – Дело не в тебе, а в Алиане. Ты сейчас единственная ее слабость. Слабость, доступная Юрию, благодаря твоему длинному языку.

– Зачем ему моя сестра? – Он и сам теперь не знал, что хуже. Узнать, что наследнику нравятся мужчины, или такую правду.

Себя-то он защитит, но как защитить Алиану?

– А ты не догадываешься? – вопросом на вопрос ответил ему Ник.

Наследница крепости, будущая хозяйка Эдинбурга. И будущее это неотвратно приближалось.

Первый раз он понял, что с мамой что-то не так, когда после смерти Рэндольфа застал ее в семейной усыпальнице. Она стонала от боли, лежа на каменном полу в ногах у прославленного прадеда. Ральф и сам тогда почти не помнил себя от горя, но увиденное быстро привело его в чувство. Он бросился к ней, не замечая, как бегут по рукам белые искры.

«Ты совсем как дед», – кусая губы, чтобы не пугать его своими стонами еще больше, улыbnулась мама.

Именно тогда проснулся его дар, ему было почти пятнадцать.

Необъяснимые приступы боли у мамы становились сильнее и сильнее. Она пыталась скрывать, да разве можно спрятать правду от любящего сына?

Постаревший отец только и делал, что искал врачей. Денег не хватало, гордость была позабыта, он обратился к Холду. Тот выделил немалую сумму, а потом, вот ведь совпадение, родители объявили сыну, что тот скоро едет в столицу. В военную академию.

Когда папа был дома, то не отходил от матери, оставляя Ральфа наедине с собой. И он подолгу сидел в библиотеке, где единственными собеседниками ему были гниющие от влажности книги. Там он нашел договор, по которому Эдинбургский лес входил в состав империи на время правления Александра.

Странная находка, нелепая. Отсыревший талмуд, в котором изгнанники значатся ровней правителям пяти государств. И настоящая, он выяснил это у матери. Она рассмеялась в ответ на его вопрос и сказала:

– Милый, что проку с этого договора, если денег у нас все равно нет, а покинуть крепость не позволяет честь и его величество? Пусть Александр лелеет свой экземпляр, а мы храним его так, как он того заслуживает.

И сам договор был до того нелепым, что Ральф перечитывал его несколько раз. Если Александр, по сути, завоевал весь север, почему Эдинбург фактически автономен, почему срок действия ограничен таким странным условием и почему подпись Бонков в нем была ключевой?

Зачем они вообще нужны Валлии на таких условиях? Полная ресурсов земля, которой нельзя воспользоваться. Какое дело империи до северных легенд? Можно сколько угодно бояться таинственного духа леса, но все страхи уходят, когда речь идет о деньгах. Он и сам бы с радостью воспользовался этими ресурсами, чтобы хотя бы крепость починить. Да только это, теперь он знал, было запрещено Александром. А серебряные рудники, которые когда-то давно принадлежали их семье, к Эдинбургу не относились и были выжаты империей до самого дна. Ральф очень хотел вытащить семью из финансовой ямы и согласился на предложение Холда. Армия – это совсем не то, чего он хотел, но хоть какая-то возможность помочь родителям и быть ближе к сестре.

Отставив эмоции, Алиане нечего было делать в сырой крепости. Да и ему, в общем-то, тоже. Маршал помогал не безвозмездно, но за все нужно платить, и если заплатить придется лесом, то он не станет о нем жалеть.

Если новый договор не будет подписан Бонками, за провинцию начнется большая игра.

«Уже началась», – отчетливо понял он.

– Догадываюсь, – сжал челюсти Ральф.

Странно только, почему Ану забрал Холд? Как ему удалось опередить Юрия? Тот ведь тоже не выглядит идиотом.

– А еще догадываюсь, зачем Алиана твоему отцу, и почему я зачислен в военную академию, я догадываюсь тоже. А ты, надо полагать, назначен отцом на роль моего надсмотрщика? Сестра следит за сестрой, брат за братом. Господин Холд все предусмотрел.

– За тобой действительно стоит смотреть, – равнодушно ответил ему Ник. – Ты вспыльчив, чересчур открыт и слишком легко поддаешься на провокации, – устало добавил он.

Ральф промолчал, спрятал руки за спину. Фостер... Холд прав, и как же злит эта правда. Ник шагнул к нему, встал напротив. Прямо взглянул Бонку в глаза. Высокий мальчик, ростом с него.

– Опека Холдов – великое благо, – почти выплюнул Ральф другу в лицо.

Другу ли?

– Господин маршал взвалил на себя тяжелый груз и выполняет обязанности с небывалым рвением. И меня пристроил, – он демонстративно одернул форменный пиджак и зло улыбнулся, – и сестру мою полюбил как родную дочь.

Ник застыл, в один миг стал белым, почти как брошенное на пол полотенце.

– На ночь, наверное, сказки рассказывает. Всем своим детям. Две сестрички и маленький брат. Как это мило. – Ральф сложил руки на груди.

Удивительно, но ему, кажется, удалось вывести господина «невозмутимость» из себя. Только ради этого стоило вытерпеть Юрия.

Ник сжал зубы, выдохнул.

– Я сломал бы тебе руку, да она не простит, – прошипел он, размял шею.

– Даже интересно, кто эта таинственная «она». Наш спокойный и закрытый герой кого-то боится? – упиваясь внезапной властью над Холдом, рассмеялся Ральф.

Неожиданный удар в скулу оборвал смех. Он с обидой уставился на Фостера.

Какого черта?!

– Можешь сказать мне спасибо, Бонк, – удовлетворенно бросил ему Николас. – С таким красивым фонарем тебе никакие извращения не страшны.

– Вот уж спасибо! – Ральф сжал кулаки.

Фостер издевательски выгнул бровь. «Ну, и что ты скажешь теперь?» – так и читалось в темном взгляде напротив. И Ральф сказал – ударил по на редкость смазливому личику! Через секунду он уже был прижат затылком к дверце одного из шкафчиков, и, судя по глухому звуку и шуму в ушах, дверцу эту Ник слегка погнул. Его головой.

Ральф потянулся к дару и одарил Фостера электрическим разрядом куда-то в грудь, так, что тот отлетел от него в стену, прямо к длинному ряду умывальников. Тресцинами пошло огромное зеркало. Ник выругался, потер ушибленную спину, поднялся на ноги. Сплюнул на пол кровь, сверкнул глазами.

Ральф сощурился, расставил ноги, хмыкнул, хрустнул костяшками пальцев.

– Иди ко мне... – широкая улыбка, ямочки на щеках, – малыш! – расхохотался он.

Ответ не заставил себя ждать. Бонк не успел вздохнуть, как Ник оказался у него за спиной. Чертов целитель! Что ему стоило увеличить собственную скорость? Фостер все же сломал ему руку и сразу же залечил. Резкую боль, от которой Ральф, кажется, увидел звезды, сменил нестерпимый зуд. Ник не заморачивался с аккуратностью, потому что через секунду снова сломал ему кость в том же самом месте.

Противный хруст, искры из глаз. Адская боль, выкручивающая мышцы, словно веревки, – Фостер не жалел дара. И снова зуд от срастающихся тканей. Отвратительный, какой-то скрипящий звук – это кровь побежала по восстановившимся сосудам.

– Чертов маньяк! – заискрился Ральф, перенес вес на правую ногу, наступил каблуком Нику на стопу, с удовлетворением слушая, как тот шипит от боли, откинул голову назад, ударил его затылком, развернулся, схватил друга за грудки.

Николас коленом вмазал ему между ног и, воспользовавшись временной слабостью противника, повалил Ральфа на пол.

Звонкими хлопками взорвались лампочки под потолком. Мощный разряд тока дугой изогнул тело Фостера, разорвал ему ладонь и ушел в пол. Ник откатился в сторону, мотнул

головой, посмотрел на Ральфа невидящим взглядом. Встряхнул ладонь, весело улыбнулся, и Ральф не выдержал, рассмеялся в ответ, постанывая от боли. Сел, спиной опираясь о чей-то мятый железный шкафчик, и с чувством сказал:

– Ну ты придурок...

Николас пожал плечами, хмыкнул, устроился рядом, положил Ральфу руку на предплечье и аккуратно залечил другу перелом. Даже зуда не было.

– Есть немного, – равнодушно заметил он.

Грохнула входная дверь. На пороге спортзала застыл проректор по учебной деятельности, господин Саймон. Глава академии отправил к ним своего заместителя, вероятно, потому, что сам не мог оставить Юрия. Как не мог и оставить без присмотра своих самых сложных курсантов.

«Толковый у академии ректор», – решил Ральф.

– Бонк, Фостер! Вы совсем... – Военный подавился ругательством. – Два идиота!

Сил встать не было, кажется, не только у него. Николас тяжело вздохнул рядом.

Господин Саймон критически осмотрел раздевалку. Поджал губы и процедил:

– У кого-то, как я погляжу, слишком много энергии. Я найду ей лучшее применение. Вы будете патрулировать город не раз в неделю, как все второкурсники, а после занятий и вместо выходных. Они вам не нужны.

Николас поднялся, подал Ральфу руку. Тот принял помощь как само собой разумеющееся, обхватил Ника выше запястья и встал рядом. Плечом плечу, как всегда после очередной их проделки.

– И это дети высшей крови? Два драчливых при... подростка! – а дальше молодой Бонк уже не слушал. Позор, скандал, репутация – все это совершенно его не интересовало.

Дети высшей крови? Холд – да. Но не он. Проректор ошибся? Ральф прищурился, задумчиво взглянул военному в лицо. Оговорился?

– ...за все двести лет Валлийской академии!

Все верно, империя существовала без малого сорок лет. Его величество Александр не был наследником слабой Валлии, тогда еще республики, но стал ее императором. Он вернул аристократам утраченную в переворот собственность (обратная национализация – это называлось так) и оставил устоявшееся за время правления республиканцев обращение «господин». Ведь в его империи все были равны. Императора отличала особая циничность, что и понятно. На то он и император.

– ...среди наших выпускников его величество Александр, его высочество Юрий, господин Холд! – разорвался господин Саймон.

Да-да, Ральф проникся. Какая честь.

Не по той части он проректор, ему бы не учебной деятельностью заведовать, а с личным составом разъяснительную работу проводить. Воспитательную, вернее. Впрочем, на это все руководство академии гораздо.

– Даже ваш дед, курсант Бонк! – Мужчина повысил голос.

Ральф вскинул на него глаза. Дед?

– Как думаете, гордился бы вами лучший выпускник курса?

Ральф сложил руки на груди.

Он непременно узнает, правду ли говорит проректор, пусть для этого и придется провести несколько ночей в архиве, вновь и вновь нарушая правила. Ему не впервой. Дед учился в столице? Почему он ничего об этом не слышал?

– В моей семье не принято гордиться заслугами детей. Их любят за одно только существование, – равнодушно пожал он плечами.

– В этом, вероятно, и кроется причина вашей недисциплинированности. – Проректор недовольно поджал губы. – Оба ко мне в кабинет. Прямо сейчас. – Он оглядел их с ног до

головы, скривился. Да, выглядели они действительно не очень. – Десять минут на то, чтобы вы привели себя в надлежащий для будущих офицеров вид.

Они кивнули. Мужчина оставил их одних.

– Интересные всплывают факты, – задумчиво пробормотал Ральф, поправляя рубашку. На кителе не хватало парочки пуговиц, он оглядел пол.

– Очень, – подтвердил Ник, с кряхтением наклонился, что-то поднял. Пуговицу, он протянул ее другу.

– Спасибо, – серьезно сказал ему Ральф.

Николас тихо засмеялся.

– Пожалуйста. – Фостер подошел к треснутому зеркалу, включил воду, умыл лицо, сплюнул кровь в раковину, поднял ворот форменного пиджака. – И очень интересно, почему господин Саймон сообщил нам об этом сейчас. Я выясню.

– Мне расскажешь? – Ральф поймал его взгляд в отражении.

– Если сочту это необходимым, – улыбнулся ему Николас.

– Полный придурок, – расхохотался молодой Бонк.

В патруле не будет скучно, они ведь будут вдвоем.

Они остались без обеда. Господин Саймон продержал их в кабинете до самого вечера, передав с рук на руки ректору. Тот посмотрел на кислые лица, махнул рукой и отправил на ужин.

Все воскресенье они проторчали на улице почти целый день. Не совсем торчали, конечно. Два часа в обходе, два часа в автобусе. И так несколько раз с перерывом на обед в академии. Скука смертная, в столице было тихо.

Утром они дежурили с третьим курсом, вечером с выпускниками. Никто их не задирает, что и понятно. «Психанутые» – это было самое ласковое определение, которым их награждали. На всю голову больной малолетка и вспыльчивый маг, владеющий электричеством.

В этот раз Ральф еще и фингалом курсантов отпугивал. Ник так и не удосужился его свести, а просить Бонку даже в голову не пришло. Подумаешь, синяк. Мало ли у него их было? Само заживет, тем более заживал он действительно быстро, сквозь фиолетовый окрас уже пробивалась зелень. Наверное, Фостер все же что-то с ним сделал.

Лезть ночью в архив у Ральфа не было сил.

В понедельник они благополучно отучились и до вечера дежурили уже со своими. После ужина было два часа свободного времени, которое они привычно убили в общей гостиной главного корпуса, периодически играя в бильярд. Ну не совсем же они отморозки, понимали, что другим курсантам хотя бы иногда надо уступать.

Перед тем как уйти в свой корпус, они оба задержались у стены с портретами именитых выпускников академии. Ральфа-старшего Ральф-младший не нашел, что и понятно. Его не было на этой стене и год назад, с чего бы он взялся там сейчас?

– Кстати... – Он потер подбородок, разглядывая портрет императора. На фото тому было немногим больше двадцати. Высшая кровь. Сильна, ох и сильна. Холды состояли с ним в родстве, сходство Николаса и юного Александра бросалось в глаза.

Если бы он был чуть внимательнее, то давно бы это заметил. Ральф был очень недоволен собой.

– Кстати? – переспросил его Ник.

– Ты играешь в шахматы, Николас? – Ральф перевел взгляд с портрета на его еще более молодой оригинал.

– Редко, – задумчиво ответил Фостер. – Очень редко.

– Не с кем? – поинтересовался Ральф.

– Скучно, – улыбнулся ему Ник, а потом побледнел безо всякой видимой причины, схватился за голову и рухнул на колени, уставившись в одну точку прямо перед собой.

– Нет. – Мучительный стон сквозь сжатые зубы. – Пожалуйста, скажи «нет».

Ральф выругался, опустился на пол рядом с другом и растерянно огляделся. Что ему делать? Как помочь? Чем помочь?

– Фостер, если ты немедленно не придешь в себя, я возьму тебя на ручки и лично отнесу в медкабинет! – заявил он, пряча страх за этой нелепой угрозой.

Ник мотнул головой, посмотрел на него затуманенным взглядом и спросил:

– Представляешь, как они удивятся?

Зрачок, за которым не видно цвета радужки, искаженное от боли лицо. И бескровные, почти синие губы, которые Холд растянул в жутковатой улыбке.

– Они офигеют, – буркнул Бонк.

Вылазка в архив снова откладывалась. Он не оставит Фостера одного. Ральф и сам не знал почему, перед глазами вдруг встала картинка последней их с братом ссоры. Тогда он ушел, разругавшись с Рэндольфом вдрызг. Теперь он видит его лишь в зеркалах.

Глава 3

– Ненавижу больницы, – скривился Ральф.

Автобус подвез их к зданию военного госпиталя. Они с Ником ездили сюда каждый месяц, а сегодня вместе с ними до кучи отправили еще несколько курсантов. Кому-то нужно было показаться специалистам (травматологу, что ли), кому-то на прививку, да неважно кому зачем, главное, что их было человек десять.

– Ничего удивительного. – Николас потер воспаленные глаза. – Люди не любят болезни и избегают больных. Это заложено в них природой.

Интересно, он вообще сегодня спал? Ночью Ральф просыпался несколько раз и видел, как друг вместо того, чтобы хотя бы лечь, сидел на полу, лбом уткнувшись в колени.

– Но во всем можно найти плюс. – Ник улыбнулся. – Зато сегодня нам не нужно в патруль.

– Тоже верно, – хмыкнул Ральф.

Он вышел из автобуса, потянулся, разминая затекшие мышцы, задрал голову и посмотрел на высокое здание. Стекло и бетон, глазу не за что зацепиться. Разве что в одном из окон виднелась симпатичная темноволосая фигурка. Врач или пациент? Одинаково вероятно, это ведь один из лучших госпиталей в империи, неудивительно, что лечат здесь не только военных.

Ник кулаком толкнул его в плечо. Рассмеялся – от неожиданности Ральф споткнулся. Бонк развернулся, одной рукой обхватил Фостера за шею, навалился на него всем телом, не давая вырваться, а второй взлохматил Николасу волосы.

– Фостер, Бонк! – окрикнул их ответственный за эту вылазку.

Они оба мгновенно нацепили на лица серьезные выражения и вошли в здание.

Снова их обоих обмерили, взвесили, а затем и обвесили проводами. Скучно это все было, но, пожалуй, действительно веселее, чем дежурить в патруле. Особенно веселой была новенькая темноглазая медсестра. Она так мило краснела, наклеивая на него какие-то датчики.

Слоун куда-то уводил Николаса. Фостер использовал свой дар крайне выборочно, но сейчас почему-то согласился посмотреть чье-то ранение. Ральф не понял чье, это не казалось ему важным. А вот темные сливовые глаза, нежные руки, будто случайно оглаживающие его грудь, казались.

Он лежал на кушетке и с интересом следил за лицом хорошенькой медсестрички. Результаты были записаны, и теперь, чтобы открепить датчики, ей снова пришлось присесть рядом с ним. Он видел, как вспыхивает на ее щеках румянец, как трепещут тонкие ноздри всякий раз, когда она дотрагивалась до него.

– Марта, пока не забыл, – обернулся врач в дверях. – Возьми у господина Бонка кровь и отнеси в третью лабораторию. Я буду там.

– Хорошо, – кивнула девушка.

– До встречи через месяц, – улыбнулся мужчина. – С наступающим Рождеством.

– До свидания, – вежливо ответил ему Ральф. – И вам не хворать.

Ник рассмеялся, покачал головой и покинул кабинет вслед за Слоуном, плотно прикрыв за собой дверь.

– Я принесу жгут, – опомнилась девушка и поднялась с кушетки.

Ральф поймал ее за руку, притянул к себе, заглянул в темные глаза и тихо шепнул в приоткрытые от удивления губы:

– Жгут подождет.

Короткое острое удовольствие, и от близости, и от опасности. Кажется, кто-то все же заглянул в кабинет. Он слышал скрип металлической ручки, но не хлопок закрывающейся двери. За ними смотрели? Впрочем, это даже забавляло его, делая ощущения еще более яркими. Кто-то любит подглядывать? Пусть, у всех свои слабости.

– Нет-нет, госпожа Элизабет, вам не стоит сюда заходить. Господина Слоуна здесь нет.

Ральф повернулся на голос, вроде бы знакомый, и встретился взглядом с... Юрий? Тоже пришел сдавать тесты? Ральф снял с себя девушку, подтянул на бедра брюки. Марта испуганно одернула белый халат.

Нет, ему не было неловко. Ему было до безумия смешно. Да, его высочество точно извращенец! Даже фингал не помог. Хотя его уже и не видно почти.

Ральф поднялся с кушетки. Потянулся за рубашкой.

– Здравствуйтесь, ваше высочество! – громко поздоровался он, с трудом сдерживая рвущийся наружу хохот.

И кто-то засмеялся. Красивым низким смехом, от которого у него заледенело в груди. Он никогда не слышал, как она смеется, но почему-то сразу узнал.

– Тогда что вы там так долго разглядываете?

Он сглотнул.

Что делает в госпитале Элизабет Холд? Она тоже одаренная?

Юрий отступил в сторону, давая ей увидеть Ральфа. Глаза ее растерянно оглядывали его с ног до головы, она перестала смеяться, а потом наконец заметила... как ее звали? Мария вроде бы. Элизабет охнула от неожиданности и закрыла ладонью рот.

Ральф сжал челюсти. Какого черта?! Кто она такая, чтобы его осуждать? И почему его так злит эта ее реакция?

Он сощурился, пристально ее осмотрел. Юная госпожа Холд была одета в больничный халат. Под глазами синяки пострашнее, чем его фингал, и такая бледная... Что случилось? Чем таким она заболела, что ей понадобился стационар?

Он подавил в себе внезапную тревогу. Это не его заботы. О ней есть кому переживать!

– Удивительное дело, господин Бонк. Я вижу вас второй раз, и вы снова голый. – Юрий неприятно рассмеялся.

Ральф расправил плечи, убрал в брюки рубашку. Проследил за молчаливым уходом Элизабет. Пусть, все равно им давно уже не о чем говорить. Так будет правильно, вернее, все так, как и должно быть.

– Какая удача, ваше императорское высочество, – задумчиво ответил он.

– Удача? – улыбнулся ему Юрий в ответ.

– Мы снова встретились. – Ральф надел китель, застегнулся и уверенно шагнул к принцу. Встал напротив, щелкнул каблуками туфель и коротко ему поклонился.

Юрий склонил голову к плечу, с интересом изучая его лицо.

«Фингал, что ли, разглядывает?» – хмыкнул Бонк про себя.

Лиззи ушла, и ему снова стало смешно. Надо Нику рассказать, тот наверняка оценит всю прелесть ситуации. Провидец, черт побери!

– Приношу вам глубочайшие извинения за свое недостойное поведение! – отрапортовал он и широко улыбнулся, показав ямочки на щеках. – Впредь этого не повторится!

Его высочество громко расхохотался.

– Извинения приняты, – сказал он, отсмеявшись. Снял перчатку и протянул Ральфу руку.

Высочайшее расположение. Это было понятно даже далекому от дворцового этикета молодому Бонку. Не принять эту милость было нельзя. И он крепко пожал ладонь Юрия, уверенно глядя в ярко вспыхнувшие синие глаза.

Тепло чужой руки, такое знакомое, рвущееся к нему тепло. Оно вошло в его тело, согревая изнутри. Ласковое, игривое, родное. Его, Ральфа, давно утраченное, украденное тепло.

В стенах загудели провода, по венам побежал электрический ток, и Ральф улыбнулся, растворяясь в новом для себя ощущении. Цельность, пожалуй, он назвал бы это так.

Изумление на лице его высочества было последним, что он увидел, прежде чем провалиться в видение.

Время убивает чувства. Удивительно, но именно равнодушие оказалось для него самым страшным испытанием. Впрочем, и удивления давно уже нет. Только тоска, выгрызающая его изнутри.

«Я жду тебя, мальчик мой...» – на губах улыбка.

Зимнее солнце заглядывает в высокие окна. Длинная галерея, звук шагов гасит ковер.

Красный?

Лениво текут мысли. Страх и обожание в чужих глазах. Неужели это когда-то нравилось ему?

Скука.

Он кивает, не различая лиц. Он не видит цвета в этой яркой толпе. Мир давно утратил краски. Пустой и холодный серый мир, снаружи и внутри.

Только их редкие встречи – не радость, прошлое, в котором давно ушедший будто бы снова жив. Ведь они так похожи. Его мальчик и... не друг и не брат – половина души, которую он уничтожил.

Уничтожил собственными руками и никогда не жалел об этом.

Он никогда ни о чем не жалел.

– Здравствуйте, ваше высочество, – громко сказал Фостер, и Ральф вернулся в кабинет Слоуна.

Что за ерунду он снова увидел? Он нахмурился. Ерунду ли? Юрий ведь тоже владеет электричеством, возможно ли, что общий дар позволил ему заглянуть в мысли его высочества?

«Все возможно», – решил он. Улыбнулся. Удивительное у Николаса было умение – вкладывать в пожелание здоровья обратный смысл.

Ральф моргнул, забрал у Юрия ладонь, разрывая рукопожатие. Это было нелегко, физически нелегко. Словно ему пришлось разделить два огромных, крепко сцепленных магнита.

– Нам пора! – заявил Фостер и этими словами будто добавил Ральфу сил. – Автобус ждет.

– Одну минуту, юный господин Холд, – остановил их Юрий, без лишней спешки надел атласную перчатку.

Он стоял в дверях, будто намеренно закрывая проход. Ни ему не выйти, ни Нику не войти. Фостер буравил взглядом затылок наследника и недовольно сверкал глазами.

– Утром я виделся с госпожой Алианой, – тихо сказал Юрий.

Ральф, сам того не замечая, подался к нему. Его высочество довольно прикрыл веки.

– Вручил ей приглашение на торжественный ужин. И раз уж мы с вами теперь друзья, я приглашаю и вас, господин Бонк.

Как же ему хотелось увидеть Ани... Юрий знал, куда бить.

– Я наказан. – Ральф смиренно покачал головой. Не вспылит, сдержался. Сам ведь виноват, поддался на провокацию. Но теперь поддаваться не станет.

– Так вы ведь из-за меня наказаны.

Как же злила Ральфа эта змеиная улыбка. И как легко вывести его из себя. Снова он сдержался. Вежливо улыбнулся Юрию.

– Предоставьте мне решить эту проблему, – вкрадчиво закончил наследник.

Издевается или говорит серьезно? Неважно, Ральф не может отказаться от встречи с Аной. Пусть даже и во дворце. Какая разница, под чьим присмотром она пройдет? Императора и его сына или Холдов.

– С радостью. – Он поклонился его высочеству. На этот раз низко. Так, как того требовал этикет.

– Тогда до встречи, – кивнул ему Юрий и ушел, не сказав младшему Холду и слова на прощанье.

Ральф выпрямил спину, шагнул к Николасу.

– А кровь? – окликнула его медсестра.

Кровь, точно. Он совсем забыл. Он вообще забыл, что был в кабинете не один. Тело отозвалось на приятные воспоминания, Ральф развернулся к девушке. Снял пиджак, наслаждаясь вновь вспыхнувшим румянцем на ее щеках, небрежно бросил его на кушетку. Расстегнул манжету и, закатывая рукав, сообщил:

– Я весь к вашим услугам, Мария.

Она дернулась, ничего не ответила. Опустила глаза, быстро выкачала из него шприц крови и ушла, так на него и не взглянув. Даже «до свидания» не сказала. Только быстро кивнула Нику – тот терпеливо ждал друга, спиной подпирая дверной косяк.

– Интересно, что я сделал не так? – задумчиво пробормотал Ральф. – Ну не замуж же должен был ее позвать?

Фостер тихо рассмеялся и покачал головой.

– Странные создания женщины, – решил Ральф, застегивая пуговицы.

– Очень, – согласился с ним Ник. – Особенно если называть их чужими именами. Ее зовут Марта.

Ральф поморщился. Некрасиво получилось. Надо извиниться, наплесть что-то про ее глаза и губы, от которых ему начисто отшибло память. Он подхватил фуражку и почти выбежал из кабинета Слоуна, чтобы ее догнать. Не успел, конечно. В коридоре было полно сестричек, и в какую сторону пошла его, он знать не мог. Вышел куда-то на лестницу, растерянно посмотрел на серые бетонные ступени.

Извиняться придется в следующий раз. И цветы, что ли, ей принести? Надо только подумать, как их достать.

– Ты решил спуститься пешком? – Ник вышел к нему.

– Не люблю лифты. – Он с досадой встряхнул зажатую под мышкой фуражку.

Они спустились вниз, вышли на улицу. Ральф водрузил головной убор себе на макушку и, не оглядываясь, быстрым шагом пошел к автобусу. Пять этажей, десять пролетов, к концу спуска ему уже надоело себя ругать. Девушки – это, безусловно, приятно. Но есть вещи гораздо более важные, например информация. Рождество в субботу, и хорошо бы что-то узнать до этого дня, чтобы поделиться сведениями с сестрой.

У автобуса он вдруг понял, что Ник отстал. Обернулся, выискивая Фостера глазами, и нашел, тот, задрав голову, смотрел куда-то вверх.

– Ну и что ты там увидел? – хмыкнул Ральф.

Ник мотнул головой, сжал кулаки, посмотрел на него абсолютно пустым взглядом и молча прошел в автобус.

Что делать, если друг у него немного придурочный? Только и остается, что немного взгрустнуть. Шутка, Ральфу даже нравилась эта черта Ника. Было в ней что-то безумное.

Безумие – это весело.

Ужин, за ним свободное время, которое Ральф решил провести с максимальной пользой – выспаться перед ночной вылазкой в архив. И он мгновенно провалился в сон, приказав себе проснуться к полуночи. Внутренний будильник никогда не давал сбоев, он открыл глаза за несколько минут до установленного часа.

Ник спал как убитый, и это было понятно. Отсыпался за вчерашнюю ночь. Ральф встал на холодный пол, подавил зевок. Надо умыться, иначе он так и будет спать на ходу. Прошел в санузел, включил свет. Подошел к раковине, зачерпнул в ладони воды, бросил ею себе в лицо и посмотрел в зеркало.

Сонный Рэндольф недовольно морщился от ледяных брызг. Ральф улыбнулся брату, Рэн тепло улыбнулся в ответ. Интересный выверт подсознания: тогда, в день их ссоры, Ральфу

показалось, что вместо привычной синевы он видит в глазах близнеца черную бездну. И теперь то видение ежедневно преследует его.

Ральф наклонился к отражению, смело заглядывая двойнику в глаза. Темнота его не пугала, он давно к ней привык. Она пульсировала и манила его, как когда-то в детстве манил младших Бонков закрытый ход за статуей прадеда. Тогда он боялся, Ани и Рэн ушли одни, но теперь он с какой-то злой радостью всякий раз поддавался ее приглашению.

Страх? Никакого страха. Только ненависть да холодная ярость, пришедшие на смену детской абсолютной любви. Прекрасный и таинственный лес, по которому так скучала Ани... не горел. Ральф только зря извел весь отцовский бензин. И не только бензин, он и сам чуть было не выгорел, когда бил молниями в сухую осину.

Тьма клубилась вокруг, ерошила светлые кудри, потешалась над глупым мальчишкой. Кому он вздумал мстить? Ей ли? Себе? Он и сам бы сторел в сердце чащи. Маленький трусишка, который никогда раньше не заходил так далеко один.

Острый запах бензина, отсыревшие спички. Молнии, с каждым ударом будто отнимающие у него жизнь и рассыпающиеся на множество белых искр. Они так красиво растворились во тьме.

Пустые угрозы, лес не вернул ему брата.

– Не-на-ви-жу, – по слогам произнес Ральф.

Сжал зубы, лбом прижался к холодной поверхности зеркала, закрыл глаза. А когда открыл, тьма расступилась.

О нет, она его не боялась, она вновь смеялась над ним. Она знала, как сделать ему больней. Синева взгляда. В отражении теперь был лишь он один. Мигнул свет, Ральф ладонями оперся о бортик длинной раковины. Лес забрал настоящего Рэндольфа, оставив ему тень.

«Боль, тоска, воспоминания. Ты ведь сам хотел забыть?» – хохотала тьма.

Тогда он потерял сознание от истощения. Очнулся дома, отец сказал, что нашел его у самой крепости. Ральф не знал, как вышел из леса, в памяти осталась лишь темнота, радостно принимающая его в свои объятия.

Темнота смотрела на него глазами брата, темнота улыбалась его улыбкой. Иллюзия, сотканная его желанием. Порождение леса, которое он любил.

– Верни, – тихо приказал он.

Отражение ответило ему полыхающей яростью во взгляде.

– Я знаю, ты слышишь, – выплюнул Ральф.

Засверкали неонов синие глаза, в проводах столицы на краткий миг ток остановил бесконечный бег. Странно, но Ральф чувствовал его так далеко и так легко.

Это ведь ты одарил силой, взяв плату вперед? А теперь отнимаешь и память?

Белые искры по таким же белым волосам. Пусть забирает свой дар! Чертов проклятый дар.

Если прислушаться, можно услышать Эдинбург. Шум крон, вой стаи волков и шелест крыльев хищной птицы. Стоит закрыть глаза, и лес перед тобой. А если поддаться, можно почувствовать его манящий зов.

Только Ральф уже давно привык не верить ему.

– Ты действительно думаешь, что я вернусь? Вернусь к тебе? – Злая усмешка. – Нет, я останусь здесь, – произнес Ральф и осознал, что слова эти не бравада и не угроза.

Он хочет остаться в столице, хочет строить свою жизнь вдали от Эдинбурга, потому что всей душой ненавидит свой лес.

– И Ани нечего делать у тебя, – сощурился он.

Отражение тяжело вздохнуло, Рэн печально посмотрел брату в глаза.

«Ани нечего делать *здесь*», – услышал он прямо в своей голове.

Оглушающий шепот, в котором сливалось множество голосов. Мужских и женских, звонких и детских, сильных и слабых, скрипящих, старческих, здоровых, больных. Ласковых, жестоких, добрых, злых...

Мучительный, отвратительный звук, заживо раздирающий его на части.

«И ты, дитя, скоро вернешься ко мне».

Дитя? Ральф расхохотался. Горький смех смел эхо чужих голосов, стало немного легче.

Как давно он ждал этого момента, чувствовал, догадывался? Нет, знал. Знал, что он всегда рядом. Слушает, наблюдает, присматривает. Прячется в темноте, мягким туманом стелется в ночных кошмарах, но молчит.

Он так хотел ответов, и теперь бездна говорит.

– С чего бы это? – выгнул Ральф светлую бровь.

«Люди, – губами Рэндольфа улыбнулся Эдинбург. – Они всякий раз вас предают. Нас предают. Я покажу».

Зеркало подернулось рябью, Ральф еще не видел, но угадывал свой силуэт. Он и не он. То же лицо, только будто моложе. Те же глаза, но другой, немного рассеянный взгляд. И почти та же форма, только вместо имперского орла буквы на груди.

Что-то капнуло на белый фарфор раковины. Ральфа качнуло, он недоуменно опустил голову. Откуда кровь?

«Ты сопротивляешься мне, мальчик мой».

Он схватился за голову, та грозила немедленно разорваться на части. Падала на пол кровь.

– Ральф!

«Николас? Черт, разбудил...»

Искреннее сожаление немного скрасило боль.

Горестно вздохнула рядом тьма, и он перестал сопротивляться, отдался ей. Она умеет быть нежной, он знал это как никто другой. Он уже терял в ней свое сознание.

Глава 4

Ральф недовольно жевал бутерброд. Нет, бутерброд был вполне себе ничего. Свежий хлеб, масло и два толстых куска ветчины и сыра. Недоволен он был не завтраком, а собой. Как он умудрился проспать весь вечер, а затем и всю ночь?

– Ты устал. – Ник пододвинул к нему баночку с джемом.

– Спасибо, – буркнул Ральф и под внимательным веселым взглядом соседа намазал варенье прямо на сыр.

Интересно, он задал последний вопрос вслух или Николас по его лицу догадался, какие мысли терзают друга?

Завтрак подходил к концу, большой длинный стол второго курса был полупустым. Впрочем, рядом с ними в принципе старались не задерживаться. Даже в столовой. Это, к слову, не огорчало ни Бонка, ни Фостера. Забавно, что оба они опоздали к началу учебного года и обоих сокурсники встретили одинаково «радушно». Установившийся нейтралитет их более чем устраивал. Боятся, уважают, а что до дружбы... она была не нужна. Им хватало друг друга.

До появления рядом Николаса Ральф даже не понимал, насколько был одинок.

– Вкусно? – с каким-то умилением в голосе спросил Фостер.

– Нормально, – подтвердил он.

Ник тихо рассмеялся, сделал глоток кофе, отставил кружку. Достал из кармана сложенный вчетверо пожелтевший будто от времени листок и протянул его Ральфу.

– Это что? – Бонк недоуменно смотрел на торчащий неровный край бумаги. Явно откуда-то выдранный, хоть и достаточно аккуратно.

– Это в некотором роде твое везение. – Николас довольно улыбнулся.

– Интересно, в каком таком некотором? – сощурился Ральф.

– Тебе повезло со мной, – пояснил Фостер.

Ральф развернул бумагу, быстро пробежал по ровным строчкам глазами и почти сразу нашел свое имя. Лист включал фамилии на «Б», и Ральф Бонк значился здесь между Биремом и Бруксом. Не было таких фамилий на его потоке, да и список был написан от руки ровным каллиграфическим почерком, сейчас уже так и не пишут почти. В этом списке был упомянут Ральф Бонк – старший, отец его матери и его родной дед.

Похоже, Николас наведлся в архив самостоятельно. Потому что кое-кто отсыпался за них двоих. Удивительно, но он не просто ничего не слышал, он даже снов не видел. Провал. Вечером лег, утром встал.

Ладно, теперь-то чего? Выспался зато на год вперед. И чувствует он себя на удивление бодро, хотя от слишком долгого сна могла и голова заболеть.

Болеть голова...

Ральф нахмурился. Что-то неприятно кольнуло его изнутри. Он запил это ощущение горячим сладким чаем. Дожевал бутерброд.

– Хм, – промокнул губы салфеткой. – Действительно, повезло. А личное дело ты там, часом, не нашел?

– Личного дела в архиве нет. – Николас посмотрел на наручные часы. – Больше того, твоего деда нет в списках выпускников и нет ни в одной описи.

– А это тогда что? – Ральф сложил листок обратно, спрятал в карман на груди.

– Это – лист из журнала прививок более чем сорокалетней давности. – Фостер поднялся из-за стола. – Но знаешь, что самое интересное?

– Что? – Ральф составил грязную посуду на поднос, встал со скамьи.

– Что и на групповых фотографиях его тоже нет.

– Или в архиве фото не всех выпусков, – догадался Бонк.

– Или, – улыбнулся Николас и забрал у друга поднос, потому что в своей задумчивости Ральф чуть было не уронил его на пол.

Быстро пролетел день, перед праздником преподаватели усилили напор, постоянно экзаменуя несчастных курсантов. Ник решал задачи не просто скучающе, ему даже черновики для расчетов были не нужны. Физика, химия, алгебра, геометрия – он был хорош во всем. Ему, сказать по правде, нечего было делать на втором курсе.

«Да и в академии», – вдруг подумал Ральф.

Преподаватели ничего не могли ему дать.

Зачем младшему Холду армия? Или господин маршал готовит себе замену? Ральф посмотрел на друга, Николас вопросительно поднял бровь.

– Что ты здесь делаешь? – прямо спросил Бонк.

– За тобой присматриваю, мы же уже это обсудили, – серьезно ответил ему Николас, а потом рассмеялся, глядя в вытянувшееся лицо друга.

– На тогда, – Ральф подтолкнул к нему лист с задачей, – найди вероятность. И на бумажку запиши, как ты это сделал, гений недоделанный.

– Почему это недоделанный? – удивился Фостер, отвлекаясь от решения.

– Ах, извините, пожалуйста. – Ральф забрал у него свой тест, ну да. Точно, он так и думал, что ошибся именно тут. – Не недоделанный, а несовершеннолетний, – пояснил он и быстро закончил задание.

И сам бы справился, но с Ником было быстрее.

– Бонк, Фостер! – строго окрикнул их преподаватель и тут же отвлекся на других.

– Дался тебе мой возраст, – хохотнул Ник.

Возраст... возраст. Голову пронзила боль, в глазах потемнело. Будто запертая кем-то мысль стучалась в виски. Что он упускает?

«Я покажу, дитя», – ласковый шепот на краю сознания. Дитя?

Прохладная рука коснулась его лба, забирая боль.

– Спасибо, – тихо сказал он другу, Николас кивнул.

– Сдаем работы! – скомандовал преподаватель.

До обеда оставалась пара минут, а потом они снова пойдут в патруль.

В этот раз их распределили в усиление регулярному патрулю, и им с Фостером досталась набережная – рукой подать до университета Ани. Жаль, что не до ее дома. Вряд ли получится встретить ее, они все же патруль и обязаны патрулировать, да и заступили с опозданием. А все Николас, он потребовал у старшего группы поставить их именно сюда, и ему не посмели отказать.

Ральф вспомнил багровое лицо военного. Как он сказал Фостеру? Не дорос еще требовать? О да, он действительно не дорос, потому что ему и не надо было расти. Кто-то рожден служить, кто-то приказывать, кто-то всю жизнь зубами грызется за место под солнцем, кто-то экономит каждый солид, а кто-то приходит в этот мир с золотой погремушкой в кулачке. Юный господин Холд не спорил со старшим по званию, лишь выгнул бровь и сухо сказал:

– Вы не поняли. Мы *будем* дежурить здесь. А ваша задача – прислать за нами машину к девяти. Выполняйте.

И тот послушал.

Оглушенный вид вояки рассмешил и немного напугал Ральфа. Гипноз, что ли, Фостер применил? А потом расслабился, какой, к черту, гипноз? Уж преподавательский состав наверняка знал, чей сын учится в академии под этим именем.

Вот тебе и армия, даже здесь все решают связи.

Ник в принципе сегодня был еще более странным, чем всегда. Фонтанировал эмоциями, жестикулировал и говорил за них двоих. Отмалчивался Ральф. Он, в отличие от друга, был

удивительно спокоен, даже слегка заторможен. В голове возникла ассоциация с оглушенной рыбой, он потер лоб, посмотрел в окно автобуса и почувствовал внимательный взгляд.

– Знаешь, почему я так редко пользуюсь даром? – спросил Фостер.

– Тяжело? – встрепенулся Ральф. Они никогда не говорили о возможностях Ника, тот избегал этой темы и ловко уходил от вопросов. Неужели созрел для откровенности?

Бонк внимательно взгляделся в его лицо. Николас осунулся, под глазами были синяки, глаза лихорадочно блестели. Черт, он не спал всю прошлую ночь, а этой – ходил в архив вместо него! Сколько он спал? И спал ли вообще?

– Больно? – догадался Ральф.

– Боль – ничто, – покачал головой Фостер. – К ней я давно привык. Нет, дело не в боли. Это как пустить кого-то чужого в себя, а я не люблю гостей.

Ральф нахмурился, вспоминая о последствиях их с Ником знакомства. Скольких он вылечил, не счесть. Ни единой жалобы, никаких претензий. Впрочем, какие претензии могут быть от молчаливой машины? Почти робот, ни одной эмоции на лице.

Дурак! Он еще обижался на него за молчание.

– Это ты потому такой активный сегодня, – догадался Ральф. – Потому что меня подлатал?

– Нет, – улыбнулся Фостер. – Это все бессонница.

На улице было противно. Серое небо падало на голову мелким дождем, порывистый ветер теребил плащ и все время норовил сорвать с головы капюшон. А ведь Ральф затянул у лица шнурок и на бантик завязал, обхохочешься видок. Нику понравилось, хотя, между прочим, он выглядел не лучше.

Они делали уже второй круг по вверенной им территории и снова оказались у высокой ограды университета.

– Знаешь, что самое страшное во всех этих радикальных движениях? – вдруг остановился Николас, поднял голову, посмотрел в высокие окна ближайшего корпуса и недовольно мотнул головой.

Интересно, что он там увидел? С такого-то расстояния?

– Что? – рассмеялся Ральф. Логика Фостера всегда его забавляла, только что они строили догадки, почему старший Бонк попал в такую немилость в академии, и так ни до чего толкового и не додумались, а теперь Ник заговорил о политике.

– Первыми под удар попадает молодежь, – зло сообщил ему Николас и уверенно шагнул вперед.

– Потому мы и ходим здесь, надо полагать, – догнал его Ральф. – Чтобы белые не соблазнили неокрепшие умы своими глупыми лозунгами.

– А ведь ты угадал, – широко улыбнулся ему Николас. – Мы с тобой здесь действительно за этим.

Ральф поправил разболтавшийся под подбородком шнурок и заинтересованно посмотрел на друга.

– Будем грудью закрывать проход в университет или сожрем все найденные листовки?

Ник посмотрел на наручные часы, покачал головой и сказал:

– Это скучно. Лучше мы будем теми умами, которые белые станут соблазнять. Я покажу. Ты же не откажешься немного пощекотать себе нервы и опасности не боишься, да, господин Бонк?

«Я покажу». На краткий миг у Ральфа потемнело в глазах, он сжал кулаки. Ему не было плохо, беспричинная ненависть грозила выжечь его изнутри.

Черт, да что с ним такое?

– Покажи, – сощурился он, прогоняя странные ощущения, потянулся к дару, удивительно легко создав на ладони искрящийся шар. – Почему бы и не развлечься, господин Холд?

Фостер жестом приказал ему следовать за ним, долго вел какими-то закоулками и привел к заброшенному флигелю почти у самых верфей. Таких же заброшенных – промзону давно перенесли. Здесь предполагалась жилая застройка, огромный кусок земли был огорожен высоким строительным забором, и только в одном месте рабочие забыли скрепить два жестяных листа, вышло что-то вроде незапланированной калитки. Там-то они и вошли.

Ральф ничего не спрашивал, во-первых, не факт, что Николас удосужился бы ему что-то объяснить, во-вторых, не хотел. Интерес и предвкушение горячили кровь, он, наконец, очнулся. Мерзкая погода привела его в чувство, и ему не хотелось портить себе единственно возможное удовольствие от дежурства.

Шутки Фостера никогда не были скучными. Этот малый знал толк в развлечениях, а что развлечения слегка отдавали безумием... Это Ральфу даже нравилось. Зато весело.

Ветер стучал железом, выл в разъявленных окнах бывшего общежития, он заметил соответствующую табличку у входа. Натужно скрипела наспех сколоченная деревянная дверь. Николас посмотрел на обшарпанную ручку, обернулся. Хмыкнул себе под нос.

– Четыре часа пополудни. Здесь сейчас белые, друг мой. И я тебя завербовал, – улыбнулся ему Фостер.

– Зачем это? – Бонк выгнул бровь.

– Ну, ты же идешь на ужин к Юрию, так почему бы не возложить на тебя какую-нибудь деструктивную миссию заодно?

– В принципе логично, – кивнул Ральф.

– Ты веришь мне? – вопрос Ника прозвучал неожиданно серьезно.

– Верю, – ни малейшего сомнения. Он и сам был этому удивлен. Когда он успел так сильно привязаться к младшему Холду, а главное, почему доверяет почти как себе?

Ник выдохнул, и Ральф понял, что друг не дышал, ожидая его ответ.

– Игра становится намного интереснее, если играть вдвоем, – поделился наблюдением Фостер. – Надеюсь, тебе понравится, – кивнул он скорее себе, чем Бонку, толкнул дверь и вошел внутрь.

У входа стояли несколько человек, Ральф насчитал шестерых, все были молоды, и никого в белом. На него смотрели с удивлением, но кивали, кто-то даже протянул руку. А вот Фостера приветствовали как старого знакомого. Столько фамильярности, странных издевок, снисходительных усмешек и даже высокомерия.

Высокомерие. К Холду. Во что ты играешь, Ник?

Белые не удивились нашивкам патруля на их плащах. Рыжий веснушчатый парень колко высказался о курсантах и нищих беспризорниках, которые все надеются, что им доверят что-то посерьезнее баллона с красной краской.

К чему бы это?

Николас робко улыбался и с отрешенным видом бормотал себе что-то под нос.

Интересно, очень интересно. Знает ли маршал об увлечении сына? Или «белые» – проект Холда-старшего? Слишком опасно, слишком нелогично, слишком рано делать выводы.

Их пропустили вперед, рыжий будто случайно толкнул Николаса плечом. Придурок. Ральф спрятал руки в карманах. Не время для драки, да и Ник в состоянии постоять за себя сам. Если он до сих пор не поставил этого идиота на место, тому были причины.

Узкий коридор, небольшая комната, громкие голоса.

– Действовать? – донеслось изнутри. – Мы уже действовали весной! Скольких мы потеряли? Сколько оказалось в тюрьме?

Что было весной? Тогда Ральф был еще в Эдинбурге, жизнь столицы не интересовала его. Зря, как оказалось.

– Не можешь простить мне свою подружку? – неприятный смех. – Так ведь ее вытащил покровитель. Кем она работала, горничной? Хорошо работала.

– Не смей так говорить! – злое шипение.

Их с Ником наконец заметили. Невысокий полный мужчина и очень худая девица со словно вырубленным топором лицом тут же прекратили разговор.

Девушка сухо кивнула им обоим, а мужчина принялся заверять, как он рад приветствовать новичка в своих рядах, и протянул Ральфу влажную руку. Тот с трудом удержался, чтобы не вытереть ладонь о плащ.

А дальше случилось совсем уж неожиданное, белый покровительственно потрепал Ника по голове, и тот не протестовал. Больше того, Фостер смотрел на мужчину с нескрываемым обожанием.

Вот так так...

Ральфу указали на стул, он сел. Николас устроился рядом, откинул капюшон плаща. Бонк повторил за другом. Оглядел помещение, запоминая детали обстановки, малейшие эмоции на лицах, позы, голоса. Он проанализирует это позже и непременно расспросит обо всем Ника.

Мужчина представился Мухой. Кличка эта очень сочеталась с его жужжащим голосом. Что он там жужжал?

Изжившая себя монархия, слабый наследник и военная диктатура – все это надлежало искоренить. На смену старому режиму должен прийти новый. Незапятнанный, чистый. Белый. Люди смогут сами выбирать власть и то, как им жить, потому что они сами станут новой властью.

Полная чушь, конечно. Абстрактные люди создадут такую же абстрактную власть? Неужели кто-то верит этим рассказам? Верят, понял Ральф, взглядевшись в одухотворенное лицо девицы. Поддакнул, нацепил на физиономию точно такое же выражение восторга. Хуже точно не будет, у Ника вон вообще на лице рассеянная улыбка не вполне здорового человека.

В комнату вошел рыжий и еще трое. Он не досчитался троих. Двери караулили? Рыжий оперся о стену, остальные сели за стол, внимательно слушали Муху и кивали в особенно драматичных местах навроде «светлого будущего» и «чистого листа».

А ведь хорошо говорит, Ральф и сам заслушался. Здорово было бы, если бы медицина стала доступней, если бы за образование не нужно было платить. А не вносить ежегодную ренту за проживание на землях аристократии? Пока его это не касалось, но, если он останется в империи, ему рано или поздно придется озаботиться собственным жильем. Странно приобретать стены, но не землю, на которой эти стены стоят. Рента может вырасти, и вдруг окажется, что твоя квартира стала тебе не по карману.

Останется в империи? С каких это пор он решил остаться здесь? Раскаленным штырем пронзила голову боль. Разрывающий сознание шепот заглушил громкий голос Мухи.

«Нечего делать здесь...»

Ральф зажмурился, мотнул головой, сбрасывая, будто забытый кошмар.

Не время для грез, тем более дурных. Как там говорил Николас, боль – ничто. Вот и нечего себя жалеть.

Шепот стих, дурманящая голову боль спряталась где-то в затылке. Она пульсировала, дразнила разум, грозясь вскоре вернуться вновь.

Ничего, он снова выгонит ее усилием воли.

Ральф уставился на бурно жестикулирующего оратора. Хорошо поставленная речь, справедливые требования, логичные выводы. Немного лести – они надежда империи, чуточка лжи, и вот он сам уже смотрит Мухе в рот.

Ральф огляделся. Место было полно заброшенной романтики. Сырое помещение, тусклая лампа над старым столом. Странно, что здесь все еще есть свет. Листовки, обертка от дешевого шоколада на столе. И пачка денег в руках худой нервной девицы. Она заметила его взгляд, отсчитала несколько купюр, далеко не маленьких, судя по цвету банкнот, протянула Николасу и сухо бросила:

– На двоих.

– Понял, – шепотом ответил Фостер и убрал деньги куда-то под плащ.

А неплохо они зашли, хмыкнул Ральф про себя. Какой, однако, необычный у Ника источник дохода. Может, Холд-старший лишил сына карманных денег? Чем черт не шутит?

Интересно, на чьей земле этот флигель? Того, кто их финансирует? Или место для встречи всякий раз меняется? Помещение не отапливалось, казалось, на улице и то было теплей. Свет был, значит, и газ должен был быть подключен, он видел оранжевые трубы на торце здания. Только нет смысла топить, если окна разбиты.

На улице стемнело. Здесь не было фонарей, и темнота заглядывала в помещение, робким туманом просачиваясь внутрь. Такая же ласковая, родная и ненавистная, как в глазах его двойника в отражениях.

Ральф расправил плечи. Не время для самокопания.

Никто не называл имен, здесь приняты были короткие прозвища. Николаса ласково звали «Молчуном», жаль, что не «Малышом». Судя по разговору, его знали давно. Похоже, в эту игру Фостер играл не первый год. Он поручился за Ральфа. Дрожащим голосом окрестил его «вторым». Муха зааплодировал, поздравил новичка с обретением второго имени, а затем и Николаса с его самым первым «вторым». Второй так Второй, хорошо, не первый. Хотя «Электрик» или «Молния» было бы логичнее. Впрочем, о даре друга Молчун умолчал.

Фостер смущенно улыбался. Муха положил руку ему на плечо.

Это у них что-то типа ритуала? Привел в кружок друга, стал немного круче? Судя по насмешливым взглядам рыжего, репутацию Молчуна этим было не спасти.

Зачем Николас привел его сюда? Показать ему белых или показать белым его? Он не понял, странное короткое собрание, на котором никто ничего не решал, а только Ральфа представили, подходило к концу.

Девица, Зола вроде бы, – ей тоже подходило это прозвище, очень уж серое было у нее лицо – подхватила со стола фантик и последней вышла в коридор.

– Ну, удачи тебе, Второй, – ухмыльнулся рыжий ему в лицо. – До встречи, если тебя, конечно, на нее позовут.

– Спасибо, – хмуро ответил Ральф.

Рыжих он никогда не любил, а теперь окончательно в этом убедился. Особенно когда парень, прощаясь, залез перед Мухой, смахивая Николаса со своего пути раздраженным движением ладони. Мол, уйди с дороги, дурень. И Ник отошел, а ведь старший все еще держал его за плечо.

«А рыжий-то ревнует», – догадался Ральф.

Все разошлись, только Николас так и остался стоять у кособокой двери, ожидая Муху.

– Я забыл сказать. – Ник надел капюшон.

– Сказать что? – обернулся к нему мужчина.

Он смотрел на Фостера с жалостью и ожиданием, как на больного ребенка. Муха, очевидно, не представлял, кто перед ним.

– Я знаю, кто тот маг у военных, – робко промямлил Фостер.

– Кто? – рассмеялся Муха.

– Второй, – спрятал глаза Ник.

Ральф поймал чужой острый взгляд. У Мухи задрожали руки, то ли от радости, то ли от страха. Сложно было сказать. Зрачок расширен, дерганые движения, капли пота над верхней губой.

– Ты молодец, – наконец справился белый с волнением, достал из-за пазухи свернутые в трубочку деньги. Отдал Нику и вновь посмотрел на Ральфа со смесью восторга и алчности.

Не к месту возникла неприятная ассоциация с Юрием. Странно, разве в глазах наследника было что-то, кроме издевки?

Николас скупо улыбнулся деньгам.

– Жди сообщения, скоро ты мне понадобишься. – Муха повернулся к Фостеру. – Мне давно уже следовало положиться на тебя, а я все чего-то ждал. Но теперь все будет по-другому.

«Люди... они всегда вас предают. Нас предают...»

Черт, да что с ним такое! Ральф тряхнул головой, от резкого движения потемнело в глазах, и ему вдруг на миг показалось, что мир вокруг разом утратил краски.

Слуховые галлюцинации, зрительные. Интересно, что дальше?

– Спасибо, – кивнул Николас.

О чем они? Что будет по-другому? Или это то, о чем говорил рыжий? Молчуну доверят что-то действительно важное?

– Пожалуйста. – Быстрый взгляд в сторону Ральфа, ласковая улыбка Нику. – Я рад, что не ошибся прошлой зимой и привел тебя к нам.

– Никогда этого не забуду, – с чувством сказал Фостер.

– Знаю, Николас, скитания трудно забыть. Но теперь у тебя появилось будущее, и я горжусь тобой.

Да, пожалуй, им стоит гордиться.

Фостер заверил Муху в бесконечной благодарности и распрощался с белым. Ральф кивнул мужчине и ушел вслед за другом.

Снова калитка, темные переулки без единого фонаря. Напряженная, идеально прямая спина младшего Холда впереди и вернувшаяся боль, не позволяющая не то что что-то спросить, но даже думать.

Они вышли на широкую улицу, от боли мутило. Ральф нагнал Ника, надо просить помощи, а то он и до места сбора не дойдет, какое тут дежурство? Но Фостер вдруг пошатнулся и схватился за него, чтобы не упасть.

Тоже плохо? Белые траванули их, что ли? Хотя какое тут отравление, он двое суток без сна!

– Там Алиана, – выдохнул Ник. – Надо бежать!

– Алиана? Где? Куда бежать?! Ты еле стоишь!

Фостер оттолкнул его, посмотрел абсолютно безумным взглядом и приказал:

– Вырубай свет. Везде, где только сможешь! Ты понял? Создай темноту!

Темнота. Везде. Клубится под ногами, рвется под кожу, застит глаза, и только Николас похож на кровавый сгусток алого пламени, стремительно удаляющийся от него.

– Темноту, – безотчетно повторил Ральф. На проспекте разом погасли фонари. – Зачем?

Она ведь уже здесь, рядом.

– Еще! – услышал он сквозь грохот крови в ушах.

Свет исчез в рядом стоящих домах. Если там действительно Ани?

«Ани нечего делать здесь...»

Ральф сощурился, надо догнать Ника. Он почти ничего не видел, бежал, ориентируясь на ощущение направления, стараясь услышать шум воды, и честно выполнял приказ. Забирал электричество отовсюду, куда мог дотянуться даром. Удерживал, не давая вернуться в провода.

Дальше, дальше, до самого дворца. Это было легко, побороть боль намного сложнее.

Красный сгусток впереди медленно затухал, его жадно пила жгутами извивающаяся тьма.

Ральф сделал еще один рывок. В раскалывающейся голове откуда-то возникло абсолютное понимание, что в этих пятнах он видит сестру и Ника, и если он немедленно не оттащит от нее Фостера, то прямо сейчас лишится единственного друга. Алиана убивала его.

– Мой друг? – донеслось до затуманенного разума.

– Да, Ани. Как ты захочешь.

Тьма рассеивалась, мягко отпуская Николаса. Она сторицей вернула ему то, что успела забрать. Снова от боли потемнело в глазах, Ральф подбежал к ним ближе. Пусть, боль – ничто, зато он снова начал нормально видеть. Неправильное у него безумие, совсем не веселое.

Холд-младший держал в ладонях лицо сестры, а она смотрела на него с такой надеждой и любовью, как могла бы смотреть на всевышнего, ступившего на эту грешную землю.

Что за нежности?! Какого черта! Он заискрился, чуть было не потерял контроль над силой. Выдохнул, втянул энергию в тело, чувствуя, как гудит внутри электричество.

Ани повернулась, увидела брата.

– Ральф! – всхлипнула она и кинулась ему на шею.

Он мгновенно загнал дар еще глубже, чтобы, не дай бог, не ударить сестру. Прижал ее к груди. Кажется, именно там было сосредоточено электричество половины столицы. Небольшой, размером с теннисный мяч, пульсирующий шар, который совсем нелегко было удерживать внутри.

– Что случилось, горе ты мое луковое?

Алиана отстранилась, бросила на Николаса растерянный взгляд, вновь всмотрелась Ральфу в лицо, изумленно заявила:

– Ты такой же!

А затем подняла на него полные черной бездны глаза.

«Как у Рэна...» – подумал Ральф, забывая о контроле. Яркий шар вылетел из его груди и завис над их головами, сыпал искрами и громко трещал. В воздухе запахло озоном. Низко загудела под ногами земля.

Шар разрастался быстрее и быстрее. Сверкающие разряды тянулись к нему от Ральфа. Слишком много силы, слишком тяжело. Он не мог сдвинуться с места и дар подчинить не мог. Закусил губу. От напряжения на лбу выступил пот, соленые капли катились вниз, разъедали глаза. Одаренный? Посмешище! Надорвался, а силу не удержал, и сейчас он не просто сдохнет тут на глазах у сестры и друга, но и их заодно прикончит, потому что взорвет здесь все к чертовой матери!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.